

Владимир Даль

Находка

После отечественной войны, казаки возвращались на Дон. Много ли их пошло и много ли пришло — это, как Платов сказал, домашний счет; но тем, которые благополучно добрались восвояси, было о чем пересказать, а, может, было чем и порадовать своих: добычи было много. Полк шел через Золотоношский уезд. День был воскресный; казаки, по тогдашнему обычаю, брели враздробь, кучками, а отсталые, либо подгулявшие, тянулись и попарно, и по одному.

Плетется по столбовой дороге казак, повесил голову, и думает: «Конечно, оно ничего сказать, плакаться грешно, дал Бог и мне поживу, не стыдно будет домой глаза показать; однако ж, другим, иным счастье послужило еще получше... Вот, у Маслова, хоть он, кажись бы, и не то, чтоб из самых бойких, особенно, как где дело пойдет в настоящую, однако ж, на это его пострела стало: у него подушка набита хорошо; и не пух, да мягко сидится — диво, что лошадь не подломится под ним; седло, только что человеку под силу поднять... И у Мухранова тоже, червонцам счету нет — чай, домой приедет, со старухой своей в неделю не сосчитают... посылает же Господь иному человеку такое счастье... Есть, правда, есть и у меня, да не против их... А вот тут еще и сапожишки купить надо, обносился совсем, прибавил он, поглядывая на сапог, — разделявать подушку для этой малости не хочется, а что при себе было деньжонок, издержал все, то есть прогулял... ну, да нашему брату нельзя, чтоб ину пору не развеселить сердце, не выпить, то есть... А в этих сапогах не доедешь до дому — нет, уж совсем плохи...»

В это время идет ему навстречу молодой парень, который возвращался от обедни, из ближнего села, домой. Он честно поздоровался с казаком и пошел было своим путем. Он в это время думал про себя так: «И не много бы человеку надо, чтоб век прожить по-людски, да по-Божески, так и этого не откуда взять. Вот, если б не воскресный день, так никто б меня не увидал в новых чоботах, да и то новое, потому что берегу, что в праздник только обуваю, а куплены они уж давно. Волон только одна пара, а другой купить не на что; спрягаем с соседом, когда пашем, да за то ж и я на него пашу — оно и тяжело, и не напашешься. А были б у меня волю, пошел бы я чумаковать; повез бы муку, крупу, да сало в Крым, а оттуда соль, а там пошел бы на Дон за таранью — вот бы и заработал копейку...»

— Стой! — закричал казак, выхватив саблю из ножен. — Стой, да снимай скорее чоботы, обменяемся.

Мужик глядит на него, рот разинув, ровно не слышит, что тот сказал; а казак, глянув еще раз взад да вперед по дороге, нет ли кого, замахнулся на бедняка саблей, да кричит:

— Изрублю всего, искрошу на месте, снимай, говорю, сапоги, да бери мои!

— Господь с тобою? Что ты это делаешь, земляк? — взмолился хохол. В воскресный день, среди белого дня на разбой выезжаешь; да побойся ж Бога и побойся людей: тут теперь народ ходит и ездит по дороге...

Как вытянет его казак полосой, плашмя, по спине, так мой хохол тут же и присел на мест, и скинул оба сапога в один миг, как вот пальцем кивнуть, и вскочил опять на ноги и подает их казаку; а тот еще кричит:

— Скорей! Сымай, коли сымаешь!

— На, — говорит бедняк, — возьми, Господь с тобой.

Казак взял сапоги, оглянулся еще раз кругом, слез и стал разуваться. Он не хотел ограбить мужика и увезти у него сапоги, а хотел только обменять свои изношенные на пару новых.

— На, собака, поддержи коня, сказал он, передавая чембур в руки хохла, — да молись Богу, что не на такого напал: другой бы уходил тебя тут же на месте, и кафтан-то снял бы с плеч.

Сам присел, снял с себя проворно сапоги, сунул их в руки мужика и стал обувать новые.

Хохол держит в одной руке повод коня, в другой старые, изношенные сапоги, глядит на них, да и думает: «Вот еще, чего доброго, заставит меня эти сапожишки надеть! Хорош же я буду, как в них ворочусь домой! Ведь меня засмеют люди, и хозяйка в глаза наплюет, да таки и поделом; это курам на смех, пойти в воскресный день к обедне в новых сапогах, а воротиться вот в каких...»

— А, чтоб тебя черт взял и с сапогами твоими! — сказал казак, и мужик теперь только на него оглянулся: второпях, казак наш насилиу попал ногой в голенище, да пяткой прихватил края и завернул внутрь; дергает, тянет, сует ногу, да не справится; и что больше торопится, то хуже.

Мужик мой вдруг словно свет увидел: как хватит он казака его же сапогами по лбу, закричав: «Так обувай же, коли обувашь!» — да как вскочит на коня, да голыми пятками его по бедрам — только его и видели.

Казак вскочил было, да пустился за ним в погоню — так пеший конному не товарищ, а тут еще один сапог надет до половины, и нога запуталась в голенище.

— Стой, сделай милость, стой; на, возьми свои сапоги — кричит казак, запыхавшись, выбившись из сил и спотыкаясь через свои же ноги; так не слышит, видно, мужик: знай несется во весь дух, а скоро скрылся и след простыл.

Казак, привыкший, может статься, обижать других, но не привыкший, чтоб его обижали, стал рвать на себе волосы и плакать и вопить, как по родному покойнику. И то сказать, как ему теперь показаться в полк, без лошади, безо всего, и как отовратиться перед начальством? Беда да и только. Сел он, поправил и надел сапог, да пошел было степью вслед за своим невольным обидчиком, так раздумал и стал: «Куда я пойду, где я его найду? Простора на все четыре стороны много, а кто был мужик этот и откуда, я не знаю». Подумал казак, плюнул, почесал затылок и воротился в город.

Дорогою он останавливался раза два и заламывал руки; но страх и горе опять погнали его вперед. «К начальству, — подумал он, — больше не к кому идти теперь — должно быть, начальство разыщет».

Отыскав исправника, он принес жалобу, что-де, сошедшись на дороге с мужиком, стал с ним разговаривать, а там спешил, да пошел по пути с ним рядом, потом отдал ему повод лошади, отошедши на минуту в сторону, а тот сел и ускакал. Опасаясь за такой случай больших неприятностей, исправник стал всеми силами стараться отыскать виноватого; но прошло несколько дней, все разосланные сыщики воротились и не нашли ничего. Казак не дает покоя исправнику, просит и плачет день и ночь, а наконец, в отчаянии, кается ему, с глаза на глаз, во всей правде и обещает тысячу рублей, только бы найти седло с подушкой: остальное пусть пропадет. Ему седло с подушкой дороже лошади: лошадь, говорит, была плохая, а седло с подушкой заветные.

Протекло, однако ж, еще два дня; казак из себя выходит, сулит две, три тысячи, признаваясь, что у него в подушке седельной зашито было золотом шесть тысяч рублей; исправник все силы и средства употребил — нет и нет никаких следов. Казак волосы рвет на себе, а пособит нечем.

Вдруг дают знать, что в глухой балке, в степи, нашли казачью лошадь с седлом, с сумами, с шинелью и другими вещами в тороках. Исправник зовет казака, рассказывает ему о находке и говорит: «Поедем сейчас туда». Боже мой! Казак чуть с ума не сошел от радости: обнимается и целуется со всеми, кается и просит прощенья, не сказывая в чем, садится и едет.

Приезжают на место; у моего казака дух захватывает от страха и нетерпения — спрашивают сотского.

— У кого во дворе казачья лошадь? Кому сдана на руки?

— У меня, — говорит сотский.

— Где она у тебя? выводи сейчас на двор!

Казак бросился наперед, вслед за сотским.

— Моя, — кричит, — она и есть! Сбрую-то давайте, пожалуйста, сбрую! Седло с прибором, то-есть...

Вот и седло, и весь прибор, и все, как нашли, — говорит сотский.

— А подушка? Подушка моя где? — закричал не своим голосом казак, увидев голое седло.

— Вот тут, разбирай, — сказал сотский, — как нашли, так и есть, все цело; вот это никак подушка, да только взрезана, вишь!

Казака почти обморок ошиб на месте. У него в подушке было золотом не шесть, а более тридцати тысяч рублей. Исправник посвистал, глядя на все это, пожал плечами, да и отошел. «Тут взятки гладки!» — подумал он, и тотчас же велел подавать свою бричку.

Неподалеку от большой дороги, где казак так неудачно обменялся сапогами, жил мужичок Охрим, порядочный хозяин, но бедненок, хотя и не пьющий и работающий. Видно, однако ж, ему помаленьку счастье послужило: вскоре после описанного нами случая прикупил он парочку волов и стал хозяйничать полным плугом; на другой год, не прежде, прикупил еще две пары, продав наперед выгодно пшеницу; там пошел чумаковать и видно торговал хорошо, потому-что года через четыре стал отправлять в Крым и на Дон возов по десяти и больше. Бог ему помог, и он вскоре купил порядочный кусок земли и выбрался жить на хутор; а когда люди привыкли уже к тому, что у Охрима свой хутор, где он живет с сыновьями и со снохами, и с дочерьми, и с зятьями, то не дивились более и богатству его, хоть иные и моргали усом, когда бывала речь об этом, замечая, что с работы будешь горбат, но не будешь богат.

Исправник, о котором мы говорили, давно уже был уволен от должности и жил у себя дома, также на хуторе, который и приобрел на службе, вероятно, также работой, по-крайней мере, он всегда достояние свое называл трудовым и благоприобретенным. Припоминая иногда происшествие с казакком, он перекашивал рот, поглаживал подбородок и говорил про себя: «Да, счастлив твой Бог, Охрим, что ты богател осторожно, понемногу, и что я уж более не исправник; а теперь бы я знал, где искать потрохи казачьей подушки!»

А казак? Товарищи прозвали его, после этого происшествия, Чоботом, и он, за слово это, каждый раз лез в драку, очертя голову. Говорят, он под конец едва-ли не сошел с ума.